

«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 8 (33) от 25 ноября 2009 г.

СМЫСЛ ВОЛЬНЫХ СТРОК

Герольд БЕЛЬГЕР
ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ
(тетрадь восьмая)

Приветливые казахи давным-давно поняли: лошадь пестра снаружи, человек – изнутри («Ат аласы сыртында, адам аласы ішінде»). Смысл: человеческая душа – потемки, что в ней творится – Аллах ведает. Никогда не узнаешь. Пифагор вроде говорил: человека узнаешь лишь после его смерти. Верно: живой человек – загадка. Писатели, ученые, мудрецы-любомудры стараются разгадать эту тайну, понять, объяснить те или иные побуждения человека, выявить мотивы его поступков, определить скрытые пружины, логику его действия. О, не все объяснимо, не все...

Приведу три примера.

1953-й год. Я, выпускник аульной школы, спецпереселенец, на учете комендатуры, без паспорта, на свой страх и риск отправился поступать в вуз, в Караганду, ночевал в запущенном общежитии, в парке на скамейке, ел как придется, бродил неприкаянный, растерянный, сдал вступительные экзамены и ... был исключен в числе 53-х неблагонадежных бедолаг – немцев, чеченцев, ингушей, поляков, греков. Страдал я тогда туберкулезом костей, передвигался на костылях, был физически и морально раздавлен. К тому же в кармане ни шиша. «Зайцем» добрался до Петропавловска, прокоротал ночь возле гостиницы, наутро доковылял до развилки дорог за городом в надежде поймать попутную машину, чтобы добраться до аула. Там я и встретил аульчанина Бекима, жившего напротив нашего дома, друга и ровесника отца. Как я обрадовался! Вот теперь-то я уж доберусь до аула, Беким-аға обо мне позаботится, не оставит меня, вдрызг больного и измытаренного, в беде, в степи, на берегу Есиля, одинокого и голодного. Попутная машина долго не попадалась. Дядя Беким поведал мне об аульных новостях за время моего отсутствия, я рассказал ему о своих горестях. Я пребывал в таком отчаянии, что в тот момент дорожке Беким-аға для меня вроде и человека не было.

И тут вдруг мимо нас прогромыхала разбрызганная полуторка. Беке, размахивая руками, побежал за ней, я изо всех сил зачикилял на костылях за ним. Вот удача-то! Шофер остановил машину, распахнул дверцу. Мой благодетель юркнул в кабину и был таков. Ни слова не сказал. Даже рукой напоследок не помахал. Я был ошеломлен.

Бросил свою полевую сумку с документами и вещичками на обочину и повис на костылях. Вокруг ни живой души...

С тех пор прошло 56 лет. А я до сих пор думаю: чем руководствовался тогда мой аульчанин, сосед, друг и ровесник отца? Испытывал ли он неловкость, смущение, угрызение совести, когда он меня одного оставил в безлюдной степи? Каковы были мотивы его поступка? Как он объяснял свое действие?

Верно: человек пестр изнутри. Конечно, потом мы не раз встречались в ауле. Он делал вид, будто ничего не случилось. А я и поныне гадаю: как он мог поступить так тогда, в августе 1953 года?

Отец мне внушал: «Никого не осуждай. Человека надо принимать таким, какой он есть».

Второй пример – 1994-й год. Я депутат Верховного Совета Казахстана. К каждому из моих коллег прикреплена машина. После изнурительных (и чаще всего пустых) заседаний, изрядно измочаленные говорильней, мы выходим на ступеньки со стороны улицы Панфилова. Заметив нас, шофера подкатывают машины прямо к подъезду, мы садимся и едем либо по бесконечным делам, либо домой. И вот выходит депутат К., вальяжно спускается до нижней ступени, застывает, как памятник самому себе, в ожидании своей машины. А водитель уснул. Депутат К. ждет три минуты, пять, семь, нервничает, машины нет. Депутат направляется вглубь аллеи, где стоит его машина, раздраженно будит шофера, снова идет назад, поднимается на нижнюю ступень, застывает, озираясь незаметно по сторонам, ждет, пока водитель впритык подгоняет машину, и только тогда с подчеркнuto важным видом, надутый от возмущения, опускается на сиденье.

И я думаю: что им в этот момент руководило? Какие нравственные струны в нем звучали? Почему он не сразу сел в машину, коли уж подошел к ней? Зачем ему понадобилось, чтобы шофер непременно подал машину прямо к выходу? Что он, депутат XIII-го созыва, демонстрировал? Спесь? Чванство? Высокомерие? Хвастовство? Невежество? Начальственный зуд? Гипертрофированное достоинство? Важность своей персоны?

Человек пестр изнутри, а скотина снаружи.

Еще пример.

Начало XXI века. Директор научного института, симпатичный человек, настоящий ученый, отправляет на пенсию моего немецкого друга, кандидата наук, проработавшего в этом институте тридцать лет. Что ж... Все правильно, законно. Возраст есть возраст. Несколько месяцев спустя, новоиспеченный пенсионер решил наведать свой институт, своих коллег-сотрудников. Он не знал, что директор института строго обязал вахтеров не пускать бывших сотрудников в институт. Чего-то он их опасался. Хорошая вахтерша, однако, пропустила моего друга. И надо же такому случиться: поднимаясь по ступенькам, он лицом к

лицу столкнулся с директором. Они друг другу любезно улыбаются, обмениваются крепким рукопожатием, задают друг другу подходящие вежливые вопросы и расходятся: один вверх, другой – вниз. Через пять минут к моему другу прибегает заполошенная вахтерша и говорит: «Ради Бога, умоляю вас, покиньте здание. Директор дал мне такой нагоняй, пригрозил выгнать с работы». Друг мой все понял и незамедлительно убрался восвояси.

Вопрос: чем объяснить мотивы поведения директора, солидного и уважаемого академика? Откуда такая подозрительность? Почему надо было улыбаться своему бывшему сотруднику, руку пожимать, о жите- бытье расспрашивать, а потом отыгаться на вахтерше и с ее помощью удалить нежеланного гостя? Фарисейство? Двуличие? Загадка. Человек пестр изнутри.

Подобных случаев тысячи. Мне, например, неясны мотивы одного латифундиста, решившего высудить у народной газеты триста миллионов тенге. Еще поражает разноречивость руководителей банков. Не всегда могу объяснить слова и поступки крупных представителей нашей власти. Неясно, почему мелких жуликов наказывают, а крупных возносят, отчего хам наглеет, подлец жирует, негодяй процветает, бишара бишарует.

В определении нравственных качеств людей я обычно руководствуюсь этическими критериями философа Канта. Видно, это моя ошибка. Слишком завышенная планка. Должно быть, разумней руководствоваться казахской мудростью о том, что человек – лишь пенде, т.е. мелкое, грешное, слабое, корыстное, трусливое существо. И еще абаевским постулатом: «Человек – мешок, дерьмом набитый». Апырай, а?! Выходит, Абай лучше понимал человека, чем Кант? Писатель Дукенбай Досжан писал когда-то, что он ведет картотеку психологических типов и характеров. Не знаю, сколько он там типов зафиксировал. Должно быть, немало. Много, слишком уж сложное и загадочное божье творение – человек, который изначально пестр изнутри.

Горький убеждал устами своего героя: «Человек – это звучит гордо». Я бы добавил: «Не всегда».

Абай уверял: «Адам бір боқ көтерген боқтың қабы». Я говорю: «Тоже не все. И не всегда».

Достоевский видел свою миссию в том, чтобы будить человека в человеке.

Должно быть, это высшая цель литературы. Она и должна изображать и объяснять изначальную пестроту человеческой природы.